

Современный мир необходимо рассматривать сквозь призму происходящих преобразований мирового пространства в единую глобальную систему. Глобализация мировой экономики предопределила формирование единой зоны, в которой относительно свободно перемещаются не только товары, услуги, финансовый капитал, но и носители новых знаний, навыков, умений, тем самым углубила и ускорила как всемирные взаимосвязи, так и взаимозависимости всех участников общественной жизни. Усиление позитивных тенденций глобализации мировой экономики и ослабление ее негативных последствий можно обеспечить с помощью стратегического планирования, позволяющего подготовить участников экономического процесса к изменениям внешней среды.

УДК 336

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В УСЛОВИЯХ VI ИНФОРМАЦИОННОГО УКЛАДА МЕГАЭКОНОМИКИ
И ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТНЫХ ЗОН**

*д-р экон. наук, проф. В.В. КОЗЛОВСКИЙ
(Полоцкий государственный университет);
д-р экон. наук, проф. В.Г. ЧАПЛЫГИН
(Высшая банковская школа, Гданьск, Польша)*

Рассматривается современная теория валютно-финансовой интеграции на основе теории оптимальных валютных зон. Анализируется общее валютно-финансовой интеграции мегаэкономики. Исследуется генезис формирования евразийской оптимальной валютной зоны на основе общей валюты. Показана особая важность теории оптимальных валютных зон, которую она приобретает в современных условиях третьей волны мирового экономического и валютного кризиса.

Многофакторность общеэкономической интеграции создала базис для структуризации феномена интеграции в легковоспринимаемой форме, то есть восприятия интеграционных процессов в виде совокупности стадий и форм. Действительно, «экономическая интеграция... может принимать разные формы, представляющие неодинаковые степени интегрированности» [1]. Традиционные «стадии» и «уровни» интеграции, среди которых экономический союз – предпоследняя, а кредитно-валютный союз – завершающая «стадия», составляют устойчивое множество и хорошо известны, несмотря на то, что их проявление может происходить в различной временной последовательности (подобное «перепрыгивание» стадий мы можем наблюдать на примере Европейского союза, непосредственной атрибутивностью которого является полная экономическая интеграция, предполагающая унификацию валютно-денежной, бюджетно-финансовой, социальной и противочиклической политики).

Профессор В.Р. Евстигнеев утверждает, что «при завершении формирования каждого интеграционного механизма другие механизмы не вырастают из него, как вырастали бы “стадии” единого закономерного процесса... отрицательные стимулы, то есть стимулы возврата к менее интегрированным формам, нарастают экспоненциально по мере завершения строительства каждого специфического интеграционного механизма. В особенности это относится к валютно-финансовой интеграции... валютный союз не вырастает из интеграции финансовых рынков, а институциональная форма единой денежной системы не вырастает, в свою очередь, из менее жестких элементов валютного союза. Напротив, развитие каждой формы финансовой интеграции снижает практическую вероятность развития новых ее форм» [2].

Кредитно-валютная интеграция, понимаемая как процесс нарастания тесноты связей между объектами кредитно-валютной сферы, сопровождается их сближением, появлением новых общих признаков. Противоположны ей по существу не дифференциация и диверсификация как рост различий и структурной сложности, а кредитно-валютная дезинтеграция и, в конечном счете, изоляция (интеграция (изоляция) и дифференциация (нивелирование) не синонимичны, а сама «интеграция» не противоречит разнообразию, ведет к становлению некой новой целостности). Генезис валютных систем показывает, что все они, без исключения, по мере своего созревания и структурного совершенствования приобретали новые свойства, способные удовлетворять требованиям той или иной исторической формации, а стремление сочетать рассмотрение эволюции валютной системы в ее исторической последовательности позволяет выявить внутреннюю диалектику этой эволюции с логическим, проблемным анализом научного материала. Одновременно хотелось бы отметить, что рассмотрение процессов возникновения валютных объединений в «новой истории» необходимо, на наш взгляд, проводить в трех пространственно-временных измерениях:

- 1) возникновение и развитие валютно-финансовой интеграции в государствах-участниках Ямайской валютной системы;
- 2) валютно-финансовая интеграция в странах бывшего Восточного блока (до 1989–1990 гг.);
- 3) денежно-кредитная и валютно-финансовая интеграция (дезинтеграция) в период с объединения Германии и до настоящего времени.

Ряд исследователей (Чарльз П. Киндлебергер [3], Джеффри А. Франкель [4], Джеймс М. Бутон [5]), отстаивая тезис о необходимости и первичности политической интеграции над интеграцией общеэкономической (а тем более валютно-финансовой и денежно-кредитной), утверждают, что национальные валюты являются выражением национального суверенитета, а потому валютная интеграция (реорганизация) может быть оправдана, если сопровождается глубокими политическими изменениями (первичность политической интеграции). Другие (Эндрю Х. Халлетт [6], Даниэл Гросс, Майкл Эмерсон [7]) настаивают на прерогативе межгосударственной экономической конвергенции (первичность сходимости экономических структур и отношений), так как симметричное экономическое развитие, по их мнению, является залогом успешного функционирования валютного объединения. Исследователи практически единодушно сходятся во мнении, что важнейшее преимущество единой валюты над необратимо зафиксированными валютными курсами – то, что единая валюта позволяет валютному союзу пользоваться максимальным доверием, что, в свою очередь, вытекает из конвергенции норм эффективности долгосрочных финансовых инструментов по странам интеграционной группировки. В то же время, если бы важнейшим моментом действительно была жесткость правовой привязки к определенной политике, доверие могло бы быть в равной мере обеспечено правовыми мерами на национальном уровне (в исследованиях механизма курсообразования все чаще начинает превалировать точка зрения о поляризации выбора: или свободное плавание, или введение как можно более жесткого фиксированного режима. Причина, по-видимому, заключается в том, что любой промежуточный вариант в большей степени уязвим для спекулятивных атак и нестабильности и будет поэтому требовать более частых вмешательств центрального банка, однако, как известно, центральный банк не всегда в состоянии принимать решения лучше тех, которые определяются рынком).

Попытки создания валютных союзов между различными государствами неоднократно предпринимались в XIX – начале XX века. Это время, когда начался отход от золотого стандарта и переход к бумажно-денежному обращению, в связи с чем вопросы регулирования международной торговли и сальдо платежных балансов приобрели особую актуальность (напомним, что при золотом стандарте возникшее отрицательное сальдо платежного баланса погашалось государством посредством физического перемещения золота). Основной довод, которым во все времена оперировали сторонники создания валютных союзов, заключается в том, что валютный союз способствует более эффективной и развернутой рационализации промышленности и торговле, чем это было бы возможным при одном только Таможенном союзе. Этот аргумент нашел отражение в неоднократных попытках создания валютных союзов: Австро-Германский валютный союз 1857–1866 гг.; Латинский монетный союз 1865–1927 гг.; Скандинавский валютный союз 1875–1917 гг.; Бельгийско-Люксембургский валютный союз 1921 г. – до момента запуска в обращение евро. Заметим, что причины образования валютных союзов в системе фиксированных валютных курсов отличались от причин, которые вызывали появление валютных союзов в дальнейшем (политические причины уступили место причинам экономическим, и произошло это во всех, на наш взгляд, валютно-финансовых группировках).

Вначале Дж. Миид в Англии, а позже М. Фридмен в США обосновали концепцию плавающих валютных курсов, основная суть которой сводилась к тому, что при условии сохранения стабильных валютных курсов, проблема одновременного достижения внутреннего и внешнего экономического равновесия не может быть разрешена. Переход к свободно изменяющимся валютным курсам, который, как предполагалось, позволит решить массу экономических проблем, был поставлен на повестку дня и осуществлен через отказ от договоренностей Бреттон-Вудса. Фактически одновременно, в 1961 году, мир стал свидетелем рождения «глобального монетаризма», основателем которого является американский

профессор Роберт А. Манделл (монетаристы-глобалисты отождествляют мировое хозяйство с единой интегрированной системой). Поначалу сторонники этого направления (одни более, другие менее) последовательно выступали за возврат к механизму фиксированных валютных курсов, так как видели в этом путь разрешения межгосударственных экономических противоречий, а уже в период 1961–1969 годов появился ряд научных работ, открывших дискуссию «о единой валюте».

Роберт А. Манделл [8], Петер Б. Кенен [9] и Роналд И. МакКиннон [10], являясь основоположниками теории оптимальной валютной зоны (ТОВЗ) и занимаясь изучением природы возникновения валютных союзов, определили ряд базовых квантифицирующих экономических принципов, позволяющих государствам проводить интеграцию своих денежно-кредитных систем.

Исследования, основывавшиеся на изучении сравнительных преимуществ политики фиксированного валютного курса и перехода к единой валюте, установили, что валютный курс является действенным инструментом восстановления экономического равновесия, если: 1) страны подвержены асимметричным шокам, требующим взаимного приведения в соответствие сравнительных цен товаров, которые производятся в этих странах; 2) внутренние цены не являются полностью гибкими и, следовательно, не приспособляются к шокам немедленно; 3) внутренние цены не индексируются немедленно в связи с колебаниями обменного курса (то есть изменение сравнительных цен в результате изменения обменного курса не нейтрализуется немедленно движением внутренних цен); 4) иные механизмы приспособления, такие как, например, мобильность факторов производства или фискальный федерализм, отсутствуют или играют незначительную роль. В дополнение к традиционным критериям оптимальной валютной зоны, существуют критерии, соблюдение которых также способствует развитию процессов денежно-кредитной интеграции. Это, в частности: 1) желание одного из государств импортировать свою денежно-кредитную стабильность; 2) потребность в развитии интеграции с государством-соседом или торговым партнером; 3) необходимость получения доступа к адекватному уровню резервов.

Переход к плавающим валютным курсам поставил перед денежными властями многих государств мира задачу координации своих национальных валютных политик. Как пишет В. Павлов [11, с. 56], «в период между 1946 и 1973 годами было проведено более 500 девальваций и 10 ревальваций валют стран-членов МВФ». Одновременно, чтобы понять причины перехода МВС от фиксированных к плавающим валютным курсам, рассмотрим аргументацию В. Аржи: «...фиксированные валютные курсы могут функционировать при наличии следующих трех условий. Во-первых, ключевая страна, которая находится в центре финансовой системы, должна быть сама стабильна с экономической и политической точек зрения и обеспечивать тем самым достаточно стабильное состояние международной валютной системы. Во-вторых, механизм урегулирования, преодоления и исправления возникающих диспропорций в платежных балансах должен функционировать относительно безболезненно. В-третьих, международная социальная и политическая обстановка должна быть достаточно стабильной» [цит.: по 2].

Как видим, ни одно из вышеперечисленных условий в начале 80-х годов прошлого века полностью не исполнялось. «Свободное плавание», многократно увеличив степень возникающих валютных рисков, выявило необходимость поиска путей реализации согласованной политики курсообразования (при этом хотелось бы отметить, что подобная задача стояла, в первую очередь, перед государствами – бывшими участниками Бреттон-Вудской валютной системы (и странами так называемого «западного блока»), а не перед странами – членами Совета Экономической Взаимопомощи (и странами просоветской ориентации)). В середине семидесятых годов инфляция в государствах-членах ЕЭС сильно и неравномерно подскочила, возросла безработица, курсы валют стали нестабильны, европейский рынок доллара вышел из-под их контроля. И хотя ситуация на мировом рынке была ничуть не лучше, экономические проблемы Европейского Экономического Сообщества поставили под угрозу сам факт его существования. Поэтому вновь появились размышления о зоне монетарной стабильности, которая бы располагала широким спектром защитных механизмов и включала всех членов ЕЭС. На начальных этапах (как, например, план П. Вернера) под координацией в валютной сфере понималась исключительно согласованность государственных монетарных и бюджетных политик, согласованность налоговых политик, установление единых налоговых уровней. Плавное уменьшение флуктуационных коэффициентов между отдельными валютами, по замыслу авторов программы, привело бы к общим деньгам с общими монетарными резервами и системой краткосрочных кредитных привилегий для тех членов, которые бы столкнулись с проблемами платежеспособности. Соглашение представляло сознательную попытку предотвращения ослабления западной монетарной системы на основе ограничения монетарных колебаний, а также установления рамок общего колебания валют по отношению к доллару. Как представляется, США не были заинтересованы в возникновении европейской корзины валют, которая бы уменьшила преобладающую роль доллара в мировой денежной системе – их больше привлекала система несвязанных национальных валют, привязанных к доллару. После отмены конвертируемости доллара члены Сообщества могли бы единой монетарной политикой сформировать свою «монетарную змею», но преобладающая в то время роль США на мировой арене эту задачу им усложнила – они не могли позволить себе большей

ревалюации собственных валют из-за фактической невозможности прогнозирования последствий для своей экономики. В то же время при создании Европейской валютной системы были предприняты меры, чтобы по возможности ограничить американское влияние на деятельность этой новой валютной группировки. Ни доллар, ни СДР не были включены в состав валютной корзины, определяющей стоимость ЭКЮ. К тому же обязательный обмен 20 % официальных долларовых активов на европейскую валютную единицу имел целью заместить резервным средством интернационального характера американскую валюту, по существу, в принудительном порядке.

Параллельно с развитием общей экономической интеграции происходило усложнение форм и методов интеграции валютно-финансовой. Переход к единым деньгам повсеместно перестал быть самоцелью и всецело оправдывать экономическую кооперацию, на первый план вышла политика межгосударственной экономической конвергенции. В идеале для того, чтобы говорить о возможности применения механизмов действия единой валюты, речь должна идти о создании «оптимальной валютной зоны», предполагающей соблюдение ее участниками ряда основополагающих конвергенционных принципов. Именно в этом случае можно будет говорить о реализации эффективной коллективно согласованной денежно-кредитной политике и адекватной реакции всех регионов зоны на одинаковое экономическое воздействие. Внимание ученых и практиков сконцентрировалось на разработке методологии регулирования и управления параметрами экономической конвергенции, что нашло отражение в принятии ряда основополагающих документов, закреплявших конкретные величины и сроки экономической сходимости (Договор об объединении денежных систем ГДР и ФРГ, Маастрихтский договор, Договор Карибских государств о создании зоны валютной (монетарной) стабильности, Договор об объединении денежных систем России и Беларуси и т.д.).

Ряд экономистов (Франсуа Перру, Жан Денизе [12]) своевременно указали на несоответствие классических моделей экономического развития складывающейся ситуации (теория «международных несоответствий и асимметрий» уделяет внимание как различиям во внутренней экономической инфраструктуре, так и в международном обмене). Различия в поведении экономических агентов (а как следствие и различия в общей реакции экономики на какие-либо воздействия), различия во влиянии, которое разные страны могут оказывать на международный обмен, сопровождаются явлениями «структурного превосходства», которые проистекают из асимметричных действий, совершаемых одними странами по отношению к другим странам. В связи с этим вопросы определения номинальных и реальных условий и сроков экономической сходимости стали основными вопросами, на которых экономическая мысль акцентировала свое внимание. Действительно, сочетание таких событий, как переход к плавающим валютным курсам и появление теории оптимальной валютной зоны, создали предпосылки для выработки действенных механизмов по формированию валютных союзов (объединений) в системе асимметрично зависимых экономик (тот же ЕВС не сегодня-завтра столкнется с необходимостью определения подобных основ в силу планируемого расширения на восток. Если на первом этапе создания союза его членами стали государства Западной Европы с устоявшимися рыночными механизмами регулирования экономики, то в последующем, о чем свидетельствуют планы «дирижеров» ЕВС, к нему присоединятся и бывшие социалистические государства. Анализ научной литературы позволяет предположить, что государства ЕВС не имеют четких теоретических и методологических разработок, обосновывающих именно экономический смысл подобного расширения).

Теория оптимальной валютной зоны не является, на наш взгляд, неким «устоявшимся» учением, несмотря на наличие определенных атрибутов, она подвержена постоянным внутренним изменениям. Более того, как отсутствует теорема «О едином центральном банке» (хотя необходимость единого центрального банка в валютном объединении сегодня мало кем оспаривается), так и отсутствует тело теоремы «об оптимальной валютной зоне». Мы видим условия, выполнение (невыполнение) которых позволяет (не позволяет) государствам образовывать валютный союз. На наш взгляд, ТОВЗ есть компилирование требуемых отдельных параметров межгосударственной экономической конвергенции, исполнение которых, как считают участники конкретной валютно-финансовой группировки, создаст условия для перехода к стадии образования валютного союза. Действительно, рассмотрение динамических моделей, описывающих создание единых валютных зон, позволяет с определенной долей уверенности утверждать, что при заключении валютных союзов параметры экономической сходимости учитывались (и учитываются) не всегда (некоторые ученые проводили и проводят исследования на предмет удовлетворения конвергенционных условиям таких валютно-финансовых группировок, как бывший Советский Союз и США. В то же время экономическая сходимость/несходимость никогда не были основополагающими принципами существования единого валютного пространства в этих объединениях, на первом плане доминирующую роль всегда играли факторы политические).

Процесс интернационализации валютного механизма неразрывно связан с «текучестью» ТОВЗ. С одной стороны, глобализация мирохозяйственных связей требует от экономической науки выработки и обоснования соответствующей теоретической базы, а с другой – наука отталкивается от бытия и, учиты-

вая реальность, предпринимает попытки объяснить происходящие процессы. Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что классическая ТОВЗ как раз и является тем пробелом, который в экономиках переходного периода должен быть дополнен, переработан и, если возможно, адаптирован. «Детали конструктора» ТОВЗ можно и нужно применять в переходных (постсоветских) экономиках с большой долей осторожности, так как рыночные механизмы межгосударственной экономической подстройки работают очень плохо. В связи с этим, исследуя проблему образования валютного союза (валютных союзов) на территории бывшего Советского Союза и стран бывшего социалистического лагеря, имеет определенный смысл обращение к механизму переводного рубля СЭВ. «Открытость» любой экономики конечна, и именно поэтому любую экономическую систему в конечном итоге можно рассматривать как закрытую. В свое время западники утверждали, что сущность (природа) переводного рубля СЭВ нерыночная, чего собственно восточноевропейская научная школа и не отрицала. Одновременно для переводного рубля СЭВ не существовало действенных стимулов перехода на рыночные принципы обращения, так как этого не требовала ситуация (и что немаловажно, среди валют стран-членов СЭВ не было никакой конкуренции). Диаметрально противоположная ситуация складывалась в Западной Европе, где все валюты были свободно конвертируемыми (происходило соперничество западноевропейских валют). Именно необходимость устранения валютной конкуренции, на наш взгляд, была одной из причин перехода к единой европейской валюте.

В то же время для рассмотрения валютно-финансовой интеграции (в части образования валютных союзов), необходимо определить стандартный язык интеграции. Под валютной зоной мы понимаем зону доминирования одной какой-либо валюты, которая способна на всей территории зоны выполнять все функции денег.

Затрагивая определение «валютной зоны», Л.И. Фрей характеризует ее как «объединение государств, которые производят свои международные расчеты в валюте основной страны зоны, концентрируют валютные резервы в этой стране, поддерживают устойчивый курс своих валют по отношению к валюте основной страны. Между государствами, входящими в состав зоны, как правило, нет валютных ограничений» [13]. Оптимальную валютную зону наш современник, американский исследователь Дж. Франкель, характеризует как «...Совокупность стран, которые высоко интегрированы в сфере торговли, капиталов, рынков рабочей силы и др., может представлять собой оптимальную валютную зону. Оптимальная валютная зона может быть определена как область, которая не является ни столь малой, ни столь открытой, чтобы она выиграла материально от привязки ее валюты к третьей валюте, ни настолько большой, что она выиграла бы материально, распавшись на подобласти с различными валютами...» [14]. Подобная «разнонаправленность» приводимых определений легко объяснима. В понятие «валютной зоны» ученые вкладывают абсолютно разный смысл: первый, на наш взгляд, не проводит четкого разделения между валютной зоной и валютным союзом, второй – мыслит в терминах больше географических, нежели экономических.

В отличие от валютной зоны, валютный союз, по мнению исследователей, предполагает введение в обращение единой валюты (либо установление фиксированных валютных курсов) с одновременным исполнением основных положений теории оптимальной валютной зоны (то есть удовлетворение требованиям экономической сходимости).

Мы не согласны со второй частью вышеприведенного определения. Из логики рассуждений следует, что валютный союз может образовываться странами, равными (или приблизительно равными) по уровню своего экономического развития. Но что в таком случае делать государствам, которые, может быть, желают пойти на создание валютного союза по каким-либо иным, нежели экономические, причинам, но не удовлетворяют требованиям экономической сходимости? Более того, обособленное экономическое развитие способствует в большей степени межгосударственной дивергенции (расхождению), так как факторы и темпы экономического развития представляют собой некие детерминированные величины.

Таким образом, опираясь исключительно на конечные положения теории экономической конвергенции, можно сделать вывод, что существует ограниченно малое количество государств, которые могут позволить себе приступить к созданию валютного союза, и еще меньшее количество, кто сможет этот союз создать (представляется, что современное состояние международных экономических отношений требует новых знаний в области так называемого опережающего экономического развития, которое входит в противоречие с постулатами классической теории экономической конвергенции – усиливающееся расхождение между странами, находящимися в данный момент времени на своем собственном этапе развития).

До сих пор разработки, связанные с теорией оптимальной валютной зоны, были преимущественно посвящены предварительной межгосударственной конвергенциальности, и в меньшей степени – проблемам нивелирования тех расхождений, которые оставались к моменту старта валютного союза или появлялись в процессе его функционирования. Действительно, валютный союз может быть создан, успешно функционировать, но в какой-то момент времени кто-либо из членов этого союза, осознав свое опережающее (пусть, может быть, и мнимое) развитие, постарается принять меры к выходу из союза (показателен в этом смысле пример Советского Союза, когда на едином валютно-денежном пространстве еди-

номоментно появились пятнадцать независимых эмиссионных институтов, основная задача которых состояла в поддержании собственной валютной стабильности). И в этой связи, каковы должны быть упреждающие меры, направленные на недопущение возникновения подобной ситуации? На какие разработки методического, методологического и прикладного характера должно опираться государство, чтобы иметь возможность объективно взвесить все «за» и «против» вхождения в валютный союз либо выхода из валютного союза?

Так, например, дискуссия, предшествовавшая вступлению государств в ЕВС, была разнонаправленной – от механизма взаимной фиксации валютных курсов (технический аспект) до ожидаемых изменений в социальной сфере (социальная политика сообщества). Одновременно был разработан план выхода государств из членов ЕВС. Монография Р. Ваубеля [15], по праву являющаяся одним из лучших трудов западных ученых-экономистов в области валютной унификации, предложила сравнительный анализ различных путей перехода к единой валюте и образованию единого валютного пространства в Европе. Автор книги – исследователь Университета экономики в Киле, отталкиваясь от уже разработанной теории оптимальной валютной зоны, попытался обосновать строительство валютного союза не на экономической сходимости как некой первооснове, а на неизбежности нивелирования расхождений в экономической сфере через установление единой валюты. Действительно, и мы должны с этим согласиться, процессы валютного объединения нельзя рассматривать исключительно через призму теории Р. Манделла, их нужно подвергать всестороннему исследованию. И как представляется, исполнение условий ТОВЗ не является определяющим моментом, оказывающим безусловное влияние на принятие государством решения об участии (неучастии) в валютном союзе.

Хотелось бы подчеркнуть, что введение единой валюты несет с собой массу проблем: во-первых, проблема техническая – необходимость замены наличных банкнот, монет, пересчет безналичных средств в новую валюту; во-вторых, необходимость реализации единой политики нового сообщества в области денежно-кредитного регулирования экономики; в-третьих, и это, пожалуй, основной момент, которому требуется уделить особое внимание, регулирование текущей деятельности союза (если он все же создан).

Иногда, чтобы избежать необходимости соблюдения конвергенциальных требований, некоторые государства прибегают к выбору «неклассических» путей образования валютных союзов со своими партнерами. Выражается это либо в привязке национальной валюты к валюте государства-партнера, либо придание иностранной валюте статуса законного платежного средства и введение ее в обращение. Но, несмотря на кажущуюся «распространенность» подобных процессов, «распространенность» эта кажущаяся, так как привязка национальных валют проводится только по отношению к избранным валютам (Южная Америка – американский доллар; государства Центральной Африки – евро (а до этого – французский франк); страны Азиатско-тихоокеанского региона – японская йена). К тому же привязка (замещение) несет в себе как приобретения, так и потери, причем потери могут быть выше, нежели потенциальные приобретения (вспомним, к примеру, события последних дней 2001 года в Аргентине, когда общая неконкурентоспособность экономики, вызванная неадекватной реализацией валютной политики, привела к параличу государственной системы управления). Причины, почему большинство стран не хотело бы принять валюту иностранного государства в качестве национальной, понятны. Во-первых, это полный отказ от денежно-кредитной независимости (потеря одного из символов национального суверенитета). Во-вторых, это то, что в теории границы политических образований и оптимальных валютных зон не должны совпадать, однако на практике они почти всегда совпадают.

На самом деле, исследование природы возникновения и существования валютных союзов и зон, валютного замещения и пр. следует, по нашему мнению, начинать с исследования как теории денег и денежного обращения в целом, так и подраздела валютных курсов в частности. Касаясь вопросов развития теоретико-математического анализа, У. Баумоль в своей работе «Чего не знал Альфред Маршал: вклад XX столетия в экономическую теорию» справедливо отмечает, что «...главный переворот произошел в трех сферах. Первая – формализация макроэкономических исследований. Вторая – создание новых действенных инструментов и их применение для описания функционирования реальной экономики, а также верификации и повышения содержательности самой теории. Третья сфера – ... получившее широкое распространение теоретического и эконометрического анализа в прикладных целях...» [16, с. 74]. И в этом смысле учение о валютных курсах как раз и представляет тот раздел экономической теории, который близок к прорыву и имеет ярко выраженный прикладной характер. Не стоит забывать, что, отстаивая принципы свободной конкуренции, экономисты распространяют эти принципы и на конкуренцию национальных (или коллективных) валют, что, в свою очередь, может привести к образованию трех-четыре-пяти гигантских по своим масштабам валютных союзов (валютных зон), которые будут находиться в состоянии постоянной конкуренции между собой. Одна из выдвигаемых сегодня гипотез заключается в том, что мировая валютная система в будущем будет представлена меньшим количеством валют, нежели это имеет место сегодня. Страны с недостаточно открытыми экономиками (а возможно, и не только они) откажутся от своих валют в пользу валют других государств. В то же время конкурентоспособность ва-

люты представляет собой явление относительное, поскольку характеризует интегральное свойство, обуславливающее способность валюты удовлетворять потребителей к ее составляющим (то есть уровням ее определенных потребительских характеристик, необходимых для доминирования), по сравнению с валютами – потенциальными заместителями в условиях статической динамики рынков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Balassa, B. The Theory of Economic Integration / B. Balassa. – Homewood, Illinois: Richard D. Irwin, Inc., 1961. – 304 p.
2. Евстигнеев, В.Р. Валютно-финансовая интеграция в ЕС и СНГ. Сравнительный семантический анализ / В.Р. Евстигнеев. – М.: Наука, 1997. – 271 с.
3. Kindleberger, Charles P. International Money / Charles P. Kindleberger. – London: Alien and Unwin, 1981.
4. Frankel, J. Is There a Currency Block in the Pacific? / J. Frankel and Shang-Jin Wei. – University of California at Berkeley, 1993.
5. Boughton, James M. The CFA Franc: Zone of Fragile Stability in Africa / James M. Boughton // Finance and Development. – 1992. – № 29 (December). – P. 34–36.
6. Anthony, M. Is the Case for Economic and Monetary Union in the Caribbean Realistic? / M. Anthony and A. Hughes Hallett // World Economy. – 2000. – № 23. – P. 119–44.
7. One Market, One Money / M. Emerson [et al.]. – Oxford University Press, 1992.
8. Mundell, Robert A. A Theory of Optimum Currency Areas / Robert A. Mundell // American Economic Review 51 (September). – 1961. – P. 657–665.
9. Kenen, Peter B. The Theory of Optimum Currency Areas: An Eclectic View / Peter B. Kenen // In Monetary Problems of the International Economy; ed. by Robert A. Mundell and Alexander K. Swoboda. – The University of Chicago Press, 1969. P. 41–60.
10. McKinnon, Ronald I. Optimum Currency Areas / Ronald I. McKinnon // American Economic Review. – 1963. – Vol. 53 (LIII). – P. 717–725.
11. Павлов, В.В. Регулирование валютных отношений современного капитализма / В.В. Павлов. – М.: Наука, 1977. – 159 с.
12. Perroux, F. Inflation, Dollar, Euro-Dollar / F. Perroux, J. Denizet, H. Bourguinat. – Paris: Edition Gallimard, 1971. – P. 19–20.
13. Фрей, Л.И. Валютные и финансовые расчеты капиталистических стран / Л.И. Фрей. – М.: Междунар. отношения, 1969. – 304 с.
14. Frankel, J. No Single Currency Regime is Right For All Countries or at All Times / Jeffrey Frankel [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w7338>, NBER working paper series, September 1999.
15. Vaubel, R. (1978) Strategies for Currency Unification: The Economics of Currency Competition and the Case for a European Parallel Currency / R. Vaubel. – Tubingen, 1978. – 474 p.
16. Баумоль, У. Чего не знал Альфред Маршал: вклад XX столетия в экономическую теорию / У. Баумоль // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 73–107.

Поступила 05.10.2015

GENERAL THEORETICAL ASPECTS OF MONETARY INTEGRATION IN THE VI INFORMATION WAY MEGAECONOMICS AND FORMATION OF REGIONAL CURRENCY AREAS

V. KOZLOVSKI, V. CHAPLAGIN

We analyze the overall monetary integration megaeconomics. We consider analysing theory of monetary integration on the basis of the theory of optimum currency areas. Looking theory of optimal currency areas is of particular importance in the present conditions of the third wave of the global economic and monetary crisis. The article describes the genesis of forming the Eurasian optimum currency area on the basis of a common currency.